

О РЕЦЕНЗИИ НА «ОДЕССКИЙ АЛЬМАНАХ»

Сообщение Леонида Каплана

В 3-й книжке «Отечественных записок» за 1840 г. (ц. р. 14 марта) была напечатана рецензия Белинского на «Одесский альманах». Рецензия на этот же альманах, помещенная почти одновременно в «Литературной газете» (1840, № 23 от 20 марта), принадлежит М. Н. Каткову. Она подверглась значительной редакционной переработке, что вызвало припадок раздражения у обидчивого и самолюбивого Каткова, повидимому, убежденного, вследствие характера изменений, внесенных в статью, что ее переделал Белинский. По этому поводу Белинский 16 апреля 1840 г. писал В. П. Боткину: «Краевский прочел мне письмо Каткова к себе, в котором сей неистовый юноша горько жалуется на чью-то руку, исказившую его экзотическую статейку о... „Одесском альманахе“, хотя он и знает, что эта чья-то рука не чья иная, как Краевского» («Письма», II, 114). В публикуемом в настоящем томе письме от 12 апреля 1840 г. (стр. 139) Краевский спешит объяснить Каткову причину переработки рецензии и берет на себя вину за бесцеремонное изменение замысла автора.

То обстоятельство, что при переработке рецензии, как это засвидетельствовал Краевский, ставилось целью намеренное ее сближение с отзывом Белинского, само по себе придает рецензии немалый интерес. Еще больший интерес вызывают результаты сличения обеих рецензий, невольно рождающие подозрение, что, несмотря на категорические заверения и Краевского и Белинского, рецензия на «Одесский альманах» была переделана — и переделана радикально — не кем иным, как Белинским, намеренно затушевываям свою роль вследствие крайне напряженных своих отношений с Катковым.

Особенно любопытна та часть рецензии, в которой заключается отзыв о двух стихотворениях Лермонтова — «Узник» и «Ангел», помещенных в альманахе. Белинский в рецензии на «Одесский альманах» дал этим стихотворениям чрезвычайно суровую оценку, заметив, что эти стихи «вероятно, принадлежат к самым первым опытам» Лермонтова и «нам, понимающим и ценящим его поэтический талант, приятно думать, что они не войдут в собрание его сочинений» (V, 225—226).

Пренебрежительный отзыв Белинского об «Ангеле», действительно кажущийся весьма несправедливым, настолько поразил редактора Полного собрания сочинений Белинского С. А. Венгерова, что он в примечаниях возмущенно восклицает: «Промах, о котором сейчас будет речь, производит ошеломляющее впечатление, и место ему разве в критическом формуляре какого-нибудь Шевырева <...> „Ангел“, одно из самых глубоких стихотворений Лермонтова <...>, в котором выражена вся беспредельность его тоски и вся безвыходность его порываний — поднять руку на этот вопль души поэта можно было только в момент какого-то эстетического затмения» (V, 561).

В самом деле, это беглое порицание прекрасного стихотворения Лермонтова вполне может показаться несправедливым и ошибочным, одним из редких «промахов» Белинского.

Обратившись к рецензии на альманах, помещенной в «Литературной газете», мы неожиданно находим развернутое и чрезвычайно убедительное обоснование взгляда Белинского на «Ангел» Лермонтова: «Два стихотворения г. Лермонтова были прочтены нами с жадностью, как и все, что выходит из-под пера этого поэта. Многого, многого ждем мы от этого могущественного таланта; одни из самых лучших, блистательных надежд возложили мы на него... Дай бог, чтобы он осуществил их все...» Дав благожелательный отзыв о стихотворении «Узник», рецензент продолжает: «Стихотворение „Ангел“ менее удовлетворяет нашему эстетическому чувству. В самом содержании его какая-то неопределенность, какая-то антипоэтическая туманность, так что даже самый талант Лермонтова не мог придать ему жизни. Ангел летит и несет в своих объятиях душу; в полете своем он поет песни о блаженной райской жизни:

И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.

И после скучные песни земли не могли уже заменить ей звуков небес. Может быть, в связи с другими стихотворениями, в целом лирическом цикле, оно получит более глубокое значение и иначе отзовется, но само по себе, как уж и сказали мы, оно не удовлетворяет нас. Вообще мы желали бы,— если позволено нам это желание, чтобы талант Лермонтова чуждался всего аллегорического, безжизненной области, населенной символическими демонами, двусмысленными пери и пр.».

Это высказывание, обращенное не столько к читателям, сколько к самому Лермонтову, талант которого критик старается уберечь от мистицизма и символики, никак не могло принадлежать Каткову. Взгляды Каткова на поэзию рельефно высказаны в одновременно писавшейся и получившей большую известность статье его о «Стихотворениях Сарры Толстой». Катков следующим образом характеризовал в этой статье зарождение истинной, по его мнению, поэзии: «Перспектива душевного зренья объята туманом, и в тумане мелькает что-то невыразимо очаровательное, мучительно ласкающее душу. Внешнее и определенное исчезло в мистических внутренних звуках, и нет более черты между действительностью и возможностью <...> В этой душевной поэзии заключается лучшая прелесть жизни, ее музыка, ее чарующее благоухание; без нее жизнь была бы подобна душевной тюрьме, лишенной света и воздуха. Как бы ни было хорошо и полезно действие воли, оно мертво и сухо, если при его рождении не звучали в глубине мистические струны, и ни одна высокая мысль, ни одна истина не пустит в нас живых корней, если входит в нас без всякого внутреннего призыва» («Отеч. записки», 1840, X, отд. V, стр. 15—16).

Эта точка зрения на поэзию совершенно противоположна высказанной в рецензии на «Одесский альманах» по поводу стихотворений Лермонтова. Таким убежденным сторонником реалистических тенденций в литературе мог быть только Белинский, который, по выражению И. И. Панаева, «не терпел и преследовал все мистическое». Можно с уверенностью сказать, что не Краевский, отличавшийся отсутствием собственного мнения в вопросах искусства, мог взять на себя роль воспитателя Лермонтова в области эстетики и указать ему на гибельность для его таланта мистических настроений. Даже если предположить, что приведенное выше обращение к Лермонтову было вписано в рецензию рукой самого Краевского, оно, тем не менее, явилось бы не чем иным, как развитием мысли Белинского, несомненно излагавшейся критиком устно.

Отсутствие подлинной рукописи рецензии, так же как и письма Каткова к Краевскому, в котором он горько жаловался на искажение его статьи об «Одесском альманахе», разумеется, оставляет нас далекими от полного разрешения вопроса — какие еще изменения могли быть внесены в рецензию. Заметим только, что стихотворение А. Майкова «Сон», впервые замеченное Белинским (чем он не переставал гордиться), также отмечается и в рецензии, помещенной в «Литературной газете», оценка его, несомненно, внесена Белинским или заимствована из его отзыва. Вообще же часть рецензии, посвященная поэтическому отделу альманаха, имеет на себе явные признаки авторства Белинского и заметно выделяется из общего фона «экстатической статейки» М. Н. Каткова.